

М. А. Варзаева

Освоение теории «смешанных ощущений» в творчестве В. А. Жуковского

Статья посвящена проблеме теоретического осмысления лирической поэзии в творчестве Жуковского. Обращаясь к переводам работ немецких критиков, Жуковский сформулировал и собственные представления о различных лирических жанрах. Особый интерес в его поэтической практике представляет освоение понятия «смешанные ощущения». Оно становится доминирующим в определении элегического жанра. В статье рассматриваются механизмы смешения эмоций на примере ранних элегий поэта.

Ключевые слова: лирическая поэзия, жанр элегии, элегический герой, «смешанные ощущения», элегический модус художественности, меланхолия.

М. А. Varzaeva

Development of the Theory "Mixed Sensations" in V. A. Zhukovsky's Creativity

The article is devoted to the problem of theoretical comprehension of lyric poetry in Zhukovsky's works. Addressing to translations by German critic's works, Zhukovsky formulated his own imaginations of different lyric genres. The assimilation of the notion "mixed sensations" in his poetic practice presents a peculiar interest. It becomes a dominating one in definition of the elegiac genre. In the article mechanisms of mixing emotions are examined on the example of early poet's elegies.

Keywords: lyric poetry, a genre of elegy, an elegiac hero, "mixed sensations", an artistic elegiac modus, melancholy.

Теория «смешанных ощущений» является одной из основ элегического переживания. На это указывают многие исследователи жанра. В частности, В. Э. Вацуро отмечает, что именно «в поэтике Эшенбурга эти ощущения занимают центральное место в определении элегии, как психологическая доминанта элегического повествования» [2, с. 19].

К переводу книги немецкого эстетика и теоретика литературы В. А. Жуковский обращается в 1805–1806 гг. В. Э. Вацуро отмечает, что «в сохранившихся фрагментах его переводов-конспектов работ Эшенбурга нет, правда, раздела об элегии, однако учение о “смешанных ощущениях” было усвоено им довольно прочно». Его перевод главы о лирической поэзии был опубликован В. И. Резановым [7].

Несмотря на то, что перевод достаточно близок к оригиналу, Жуковский прибегает и к свободному пересказу (особенно во введении в поэтику). Поэт не всегда стремится точно следовать первоисточнику, он переосмысливает прочитанное, дополняет текст статьями из энциклопедии (§ 58–60 поэтики) либо, наоборот, опускает некоторые фразы при переводе, а в иных случаях, как отмечает В. И. Резанов, выражает «скорее

собственное понимание данного вида лирики, чем переводит Эшенбурга» [7, с. 287].

Таким образом, В. А. Жуковский, «выполняя эту работу, стремился сформулировать для себя свои собственные взгляды, какие получались у него в результате изучения доступных ему источников и пособий» [7, с. 278].

Так, вслед за Эшенбургом, В. А. Жуковский пишет: «Во всяком лирическом произведении должно быть сохранено *единство предмета* и следовательно *единство главного чувства*... все посторонние ощущения, имеющие некоторое сродство с главным, суть многочисленные источники лирической многообразности». Кроме того, лирической поэзии, помимо «необычайного душевного напряжения», должна быть присуща краткость «и в мыслях, и в выражениях», так как «сама страсть не долго может существовать». «Одна только высочайшая степень страсти (не ее постепенное приращение и упадок, которых изображением больше занимается элегия), та степень, на которой страсть действует во всей своей силе, без примеси и препоны...» [7, с. 281].

Согласно последнему высказыванию, в элегии изображается динамика чувств («постепенное приращение и упадок»), не страсть «без примеси и препоны», а «смешанные эмоции». Получается,

что элегия не вписывается в общую концепцию лирической поэзии по способу передачи чувств и эмоций, а стоит особняком в иерархии лирических жанров, представляя собой уникальное жанровое образование.

Жуковский – автор значительного числа элегий. Но многие элегии поэта либо не имеют жанрового определения, либо относятся Жуковским к другим жанрам. Это связано с тем, что «элегия распространяет свое влияние и на другие жанры художественной системы романтизма» [4, с. 113]. О. В. Зырянов считает, что в этом контексте элегия может быть рассмотрена «как ведущий метажанровый принцип», который «напрямую смыкается с содержательным комплексом модуля художественности» [4, с. 114] и может быть определен как «особый тип дисгармонического мироотношения, или специфический образ ощущений». Элегический модус художественности «относится к дисгармоничным формам человеческого отношения к миру» и осознается «как переживание вечного разлада между идеалом и действительностью» [4, с. 115].

Значительное число элегий Жуковского выполнено в элегическом модусе. Среди них элегии-песни, элегические сонеты, элегические баллады, элегические послания и даже оды.

Этот «специфический образ ощущений» в элегиях, а именно «смешанные эмоции», и является приоритетным понятием в трактовке жанра. Многие ученые, в частности В. Э. Вацура [2], Л. Г. Фришман [8], О. В. Зырянов [4], признавали это понятие в качестве доминирующего признака жанра, однако рассмотрение элегии сквозь призму «смешанных ощущений» еще только намечается в исследовательской литературе.

Во всех известных нам определениях элегии наибольшее распространение получил такой противоречивый комплекс эмоций, как «меланхолия». В поэзии начала XIX века она становится доминирующим типом поэтической рефлексии. В творчестве Жуковского меланхолия преобразуется в целую «философию грусти» [1, с. 406].

Эмоциональный рисунок стихотворений раннего Жуковского образуют мотивы разочарования и мимолетности юности. Элегический герой Жуковского «грустит» о невозвратимости прошлого счастья, но находит в этой «скорби» наслаждение.

Начиная с «Сельского кладбища» (1802) в творчестве поэта закрепляется образ «бедного певца», который становится своеобразной «ви-

зитной карточкой» поэзии Жуковского [1, с. 552]. Именно с перевода элегии Т. Грея начинается становление Жуковского-элегика.

«Сельское кладбище» неоднократно рассматривалось в статьях и монографиях известных литературоведов и молодых ученых, и все они стремились к поиску «жанровых ингредиентов» элегии [6]. «Сельское кладбище» – одно из немногих стихотворений, имеющих авторскую помету «элегия».

Жуковский сохраняет заданное оригиналом противопоставление прошлого и настоящего. «Смешение» эмоций в данном случае происходит за счет введения лирическим субъектом в поле своих размышлений фигуры певца, которого так же, как и «праотцов села», настигнет печальная участь. Таким образом, сознательно смоделированная реальность будущего (как переживаемого настоящего) незамедлительно вызывает определенный меланхолический настрой, выраженный в конкретных характеристиках элегического героя. Среди них мы встречаем состояние «горести беспечной, молчаливой». С одной стороны, «беспечность» предполагает некую «беззаботность», «веселость», «легкость» (коннотативные значения слова), но, с другой, она является характеристикой «горести», что придает состоянию элегического героя оксюморонность, неоднозначность, сложность. Кроме того, герой наделяется характеристиками, скорее присущими событию или пейзажу («прискорбный, сумрачный»), что также свидетельствует о «смешении» эмоций, которые являются результатом слияния конкретного восприятия окружающей картины и эмоций по отношению к судьбе элегического героя. Следует отметить, что герой Жуковского характеризуется также мечтательностью («Лежал, задумавшись, над светлую рекой»), но при этом сохраняет уныние («Уныло следовал за тихою зарей»). Но, кроме сентименталистских определений «чувствительного» юноши, «певец уединенный» представлен и «как странник, родины, друзей, всего лишенный», а это уже романтическая характеристика.

И уже в эпитафии «смешанные эмоции» у Жуковского получают органичную словесную формулу – меланхолия («И меланхолии печать была на нем»). Жуковский представляет меланхолию как сложный и противоречивый комплекс переживаний, включающих множество нюансов противоположной эмоциональной тональности.

В «Сельском кладбище» смешение эмоций происходит благодаря сопряжению в сознании

героя различных временных пластов, а именно: переживания прошлого как текущего настоящего и проецирования будущего в переживаемое настоящее.

В своих первых (не переводных) опытах создания элегических стихотворений поэт также запечатлевает различные эмоции меланхолического свойства. Так, в стихотворении «К К. М. С(оковниной)» (1803) он «запечатлел диалектику нравственных переживаний наслаждения в скорби, душевных страданий и надежд» [5, с. 19]. Герой переживает «смешанные эмоции» наслаждения и скорби («но в самой скорби есть для сердца наслажденье» [3, с. 59]), а сознание героя при этом переносится в будущее, которое сулит то же наслажденье, что было в прошлом, ослабляя, тем самым собственно переживание «скорби» по утраченным «радостям»:

Блаженство наша цель; когда мы к ней придем –
Нам Провидение сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнем:
Надеждой *не вотще* нас Небо одарило [3, с. 60].

В данном стихотворении смешение эмоций происходит в настоящем, так как и прошлое, и будущее несет в себе радостные события и чувства, а в настоящем остаются «смешанные эмоции» радости (связанной с надеждой на будущее) и скорби (появляющейся в результате столкновения эмоций безвозвратного прошлого и «блаженства» еще не наступившего будущего).

В элегии «Вечер», созданной в 1806 г., еще звучат отголоски «Сельского кладбища», но меняется ее тематика. На место темы жизни и смерти приходит тема дружбы. Утрата близких друзей становится главным потрясением в жизни элегического героя.

В «Вечере» эмоции юности (прошлого) характеризуются «блаженством и страданьем». То же чувство испытывает герой Жуковского и в настоящем. С одной стороны, воспоминание окрыляет («К протекшим временам лечу воспоминаньем»), с другой – охватывает безмерной тоской по ушедшему счастью («Ужель иссякнули всех радостей струи?»). Это свидетельствует о неоднозначном состоянии, доминирующем в сознании героя, которое мы называем «смешанными эмоциями».

События прошлого в сознании элегического героя воскрешаются с помощью мечты. Мечта у Жуковского, в отличие от традиционной направленности к будущему, меняет свой вектор и устремляется в прошлое. Кроме того, это не просто

мечта, а мечта меланхолическая, которая показывает невозможность вернуть эмоции прошлого и одновременно заведомо исключает их появление в будущем. Мечта у Жуковского становится отправной точкой для элегических размышлений и зачастую, выступает синонимом «воспоминания».

Таким образом, меланхолическая настроенность элегического героя предполагает не ощущение пограничности, а пребывание постоянно в одном состоянии – меланхолии.

Следует отметить, что если в предыдущих элегиях смешение эмоций происходило с помощью перемещения в сознании героя прошлого, настоящего и будущего, то в элегии «Вечер» смешение эмоций происходит не на границе времен, сопрягаемых в сознании героя, а является результатом фиксации «смешанных эмоций» в конкретном временном отрезке, так как и в прошлом, и в настоящем они уже были неким бимодальным целым, объединяющим и «блаженство», и «страданье».

По реминисцентным мотивам разочарования и мимолетности юности с элегией «Вечер» связаны «Мечты» В. А. Жуковского. Самим поэтом «Мечты» определяются как песня. Однако в примечаниях к стихотворению О. Лебедева называется «Мечты» «романсом-элегией», пользуясь этой синкретичной формулировкой, очевидно, пытаясь обосновать авторское наименование жанра, противоречащее его современной трактовке. Стихотворение «Мечты» является свободным переводом элегии Ф. Шиллера [1, с. 586].

В «Мечтах» (1812) В. А. Жуковского меланхолия элегического героя обусловлена утратой «веселых юношеских дней», способности творить и вдыхать жизнь во все, как «древле рук своих созданье боготворил Пигмалион» и «мертвый был одушевлен».

Стихотворение открывает ряд риторических вопросов:

Зачем так рано изменила?
С мечтами, радостью, тоской
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моих весна златая...
Постой... тебе возврата нет... [3, с. 212].

Герой Жуковского с первых строк осознает безвозвратность юности, которая уносит с собой и многие другие составляющие «веселых юношеских дней». На смену былой «мечты, радости, тоски» приходит «истина унылая», «призраки прежней красоты» (*Счастье* «сокрылось украд-

кой», *Знание* «ушло изменой», *Истина* «сомне-
нья тучей обложила», «прелестный цвет *Любви*
увял», «едва *Надежды* лишь сияло светило»).

При этом элегический герой испытывает
«смешанные эмоции»: он не только сокрушается
о былом счастье, но чувствует утешение в том,
что его верными «проводжатыми до могилы» ос-
танутся *Дружба* и *Труд* (то есть творчество),

Кому святая власть дана
Всегда творить не разрушая,
Мирить печального с судьбой
И, силу в сердце водворяя,
Беречь в нем ясность и покой [3, с. 215].

Этими строками и завершаются «Мечты» Жу-
ковского. Для героя элегии важно не утратить
способности мечтать, а мечты при этом носят
характер меланхолический, так как их неизмен-
ными спутниками являются тоска и радость.

Таким образом, аналогичные «смешанные
эмоции» могут отличаться интенсивностью вы-
ражения с помощью варьирования в сознании
героя различных временных пластов. Отправной
точкой для появления такого типа эмоций, ощу-
щений становится воспоминание, то есть мыс-
ленное обращение героя к прошлому опыту. При
этом появление будущего в качестве временной
координаты в элегиях Жуковского становится
гарантом «надежды», обретения душевного по-
коя и счастья, несмотря на «смешанные эмоции».

Следовательно, для реализации элегического
переживания, основанного на противоположных,
бимодальных эмоциях, требуется присутствие
сознания героя сразу в нескольких временных
промежутках, что позволяет выделить категорию
времени в качестве одной из предпосылок появ-
ления «смешанных эмоций». Но при этом «сме-
шанные эмоции» могут существовать и незави-
симо от пересечения временных границ в созна-
нии героя в «готовом», «смешанном» виде. В
этом случае связующим звеном становится кате-
гория памяти, которая фиксирует разрозненные
эмоции героя в единое бимодальное целое неза-
висимо от «блуждания» сознания в отдаленных
во времени событиях.

Библиографический список

1. Айзикова, И. Примечания к текстам стихотво-
рений [Текст] / И. Айзикова, Э. Жилиякова, Ф. Кануно-
ва, О. Лебедева, И. Поплавская, Н. Разумова, Н. Ремо-
рова, Н. Серебренников, А. Янушкевич // Жуковский
В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 1. – М.: Яз.
рус. культуры / ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушке-
вич. – 1999. – С. 419–743.
2. Вацуро, В. Э. Лирика пушкинской поры
[Текст] / В. Э. Вацуро. – СПб.: Наука, 1994. – 241 с.
3. Жуковский, В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20
т. Т. 1 [Текст] / В. А. Жуковский. – М.: Яз. рус. куль-
туры, 1999. – 760 с.
4. Зырянов, О. В. Эволюция жанрового сознания
русской лирики: феноменологический аспект.
[Текст] / О. В. Зырянов. – Екатеринбург: Изд-во Урал.
ун-та, 2003. – 548 с.
5. Касаткина, В. Н. Поэзия В. А. Жуковского
[Текст] / В. Н. Касаткина. – 2-е изд. – М.: Изд-во
МГУ, 2002. – 112 с. (Перечитываемая классика).
6. Козлов, В. Жанровые «ингредиенты» «Сельско-
го кладбища» [Текст] / В. Козлов // Вопросы литера-
туры. – 2012. – № 3. – С. 326–346.
7. Резанов, В. И. Из разысканий о сочинениях
В. А. Жуковского [Текст] / В. И. Резанов. – СПб.: Се-
натск. тип., 1906–1916. – Вып. 2 (1916). – 650 с.
8. Фризмэн, Л. Г. Жизнь лирического жанра: Рус-
ская элегия от Сумарокова до Некрасова [Текст] /
Л. Г. Фризмэн – М.: Наука, 1973. – 168 с.